

EDN: OJFGWB
УДК 304.2

Portrait of Generations in the Interior of the Discourse

Ivan V. Kuzin* and Eugene A. Makovetsky

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 22.01.2022, received in revised form 19.03.2022, accepted 22.09.2023

Abstract. The article is devoted to the analysis of generational change in modern Russia. The epistemology of M. Foucault is taken as the methodological basis of the study. The concept of discourse is given decisive importance because it provides an understanding of the mechanisms of social change. Social change affects the process of generational delineation. The exclusion procedure in this case plays an important role. The description of generational realities in Russia is built through the prism of the concept of W. Strauss and N. Howe. Generations X, Y and Z are considered taking into account the social and political development of the country over the past 40 years. Examples of rapid transformations of the value principles of building life show a gradual loss of unity of language, interests, aspirations, expectations and goals, which deprives the achievement of interpersonal commonality of actions. However, at the end of the article, the author expresses the hope that intergenerational consent is still possible, despite the fact that the existing contradictions seem to be unsolvable.

Keywords: discourse, Foucault, generation, exclusion, Russia, rupture, separation, solidarity.

Research area: philosophy.

Citation: Kuzin I. V., Makovetsky E. A. Portrait of generations in the interior of the discourse. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(11), 2062–2082. EDN: OJFGWB

Портрет поколений в дискурсивном интерьере

И.В. Кузин, Е.А. Маковецкий

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена классической и вместе с тем до сих пор актуальной проблеме взаимодействия поколений, которая с ускорением социальных перемен становится все более сложной и трудноразрешимой. Аспект ускорения в данном случае имеет принципиальное значение для понимания отличия существующих конфликтов поколений от прежних. В целях прояснения данного момента методологическим ключом исследования становится понятие дискурса, философски осмысленное в эпистемологической концепции М. Фуко. Согласно французскому мыслителю, одним из важнейших факторов в формировании любого дискурса является фактор исключения. Принимая за основу подобную дискурсивную специфику, анализ был нацелен на то, чтобы показать, как скорость, помноженная на исключения, сопровождающие любые дискурсивные изменения, порождает тенденцию к инфантилизации и атомизации жизни в системе общественного целого. Абсолютизация атомизированной жизни может обернуться разрушением человеческого в человеке и смертью социального организма. Предложенные дескриптивные описания поколений в рамках сокращающегося времени существования социокультурного дискурса, задающего определенную поколенческую страту, позволяют проследить динамику современных социальных изменений. Последние отражаются на структурной устойчивости выработанных временем моделей поколенческой преемственности, в итоге, подрывая исторически поддерживаемое органичное единство связей между поколениями. Тем самым на примере возрастных когорт, существующих в условиях скоротечной трансформации ценностных принципов обустройства жизни, иллюстрируется перспектива постепенной потери единства языка, интересов, устремлений, ожиданий и целеполаганий, что в целом может лишить возможности достижения межличностной общности действий. С учетом подобного положения дел, касающегося европейской культуры в целом, в исследовании предлагается применение данного подхода при осмыслении процессов, происходящих в современной России. В обозначенном тематическом контексте внимание концентрируется на описании трех поколений, нарастающая дезинтеграция между которыми вызывает определенные опасения относительно будущего российского общества. За основу анализа берется полемическая концепция У. Штрауса и Н. Хоува, в которой фигурируют три типа поколений – X, Y и Z. В статье предлагается ряд характеристик этих поколений в ракурсе российских культурно-исторических реалий с обозначением оптимистических надежд на согласование отношений между ними, несмотря на кажущиеся неразрешимыми противоречия.

Ключевые слова: дискурс, Мишель Фуко, поколение, исключение, Россия, разрыв, разобщение, солидарность.

Научная специальность: 09.00.00 – философские науки.

Цитирование: Кузин, И. В. Маковецкий Е. А. Портрет поколений в дискурсивном интерьере. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(11), 2062–2082. EDN: OJFGWB

Введение. Эксцесс поколений¹ стар как мир, даже если к такому противостоянию с культурной и исторической точек зрения можно отнести скептически в силу наличия в данной теме здоровой порции мифологии².

С одной стороны, очевидно, что культура поддерживается преемственностью. С другой, консервативную ставку культуры на стабильность всегда поджидает опасность встречи с нарастающей волной новаций, дающей начало развитию с вытекающими из него изменениями. В последнем случае не исключен кризис, так как отцам в детях открывается не только естественное желание перемен, с которыми ассоциируются независимость и самостоятельность, но и угроза девальвации тех ценностей, которые отцы намереваются сохранить и передать сменяющему их поколению.

Тогда, когда есть уверенность, что базовые ценности останутся не тронутыми, конфликт развивается в мягких формах, а с течением времени он и вовсе сходит на нет. Когда же в результате ускоряющихся перемен под ударом оказывается выстраиваемый в течение десятков и сотен лет сам фундамент, на котором стояла культура, дело приобретает критический для жизни одного из поколений оборот. В этой ситуации отношения запутываются настолько, что перспективы достижения понимания становятся весьма туманными.

В данной статье с использованием методологических средств дискурс-анализа

выбирается дескриптивный ракурс для осмысления генезиса поколенческих дискурсов, которые можно считать социально доминантными в современной России. Ради решения подобной задачи: 1) необходимо кратко обозначить философский горизонт аналитики предмета исследования, в основу которой будут положены теоретические принципы различения дискурсивных практик, сформулированных французским мыслителем М. Фуко; затем 2) будет предложена умозрительная схема смены поколений, цель которой заключается не столько в раскрытии их существенных характеристик, сколько в выявлении методологически значимой *стратегии исключения*, благодаря которой очерчиваются границы нарождающегося дискурса; и в заключение, 3) несмотря на тенденции к усилению межпоколенческой разобщенности, будут обозначены исторические и культурно-психологические основания для сохранения духа солидарности между изображаемыми поколениями.

«Где та молодая шпана, что сотрет нас с лица земли?»

Культурно-историческое развитие любого общества доходит до такой стадии, когда список всех идентичностей (социальных, политических, национальных, культурных, религиозных и т.п.), который выработывался на протяжении длительного времени, начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся. При взгляде изнутри каждую образованную культуру можно признать самоценной. И принципиальное значение в этом признании будет иметь то, что в основу критериев определения такой ценности полагаются не внешние, привнесенные стандарты, а внутренне присущие, сложившиеся на основе традиций принципы самобытной жизни. Различия этих принципов обычно весьма специфичны, поэтому усмотрение их существа с позиций других традиций требует теоретического и психологического напряжения. Отказ от такого усилия ведет к упрощению явления и означает пренебрежение возможностью соприкосновения каждого

¹ За исходное определение поколения принимается такое его понимание, благодаря которому тематизируются «точки разлома социального и культурного порядков, направления и механизмы опосредования и перехода между "прежним" и "новым"» (Дубин, 2002: 13).

² «Доказано, что примитивные общества не знали интеллектуальных конфликтов молодежи, поскольку там не было существенных расхождений между нормами поведения в семье и в обществе в целом. Более конфликтное самосознание нашей молодежи является лишь отражением хаоса, существующего в нашей общественной жизни, а ее замешательство – естественный результат ее неопытности» (Манхейм, 1994: 445). Тем не менее Л. Фойер считает возможным утверждать, что «столкновение поколений является универсальной темой истории» (Feuer, 1969: 27).

с сакральным смыслом любой культуры, т.е. способностью осознать ее как нечто органичное тем людям, которые создавали ее на протяжении многих веков.

Методологически это осуществимо с помощью операции по ограничению оценок наблюдаемых явлений на основе их фрагментарных восприятий, через воздержание от поспешных суждений, вытекающих из такого рода поверхностного знакомства. Например, первичное соприкосновение с кастовым устройством Индии может привести в состояние культурного шока, реактивно вызывающего полное неприятие имеющегося устройства общества³. Однако после погружения в систему отношений, органичных для жителей этой страны, после длительного изучения выработанного веками принципа сосуществования, становится понятна глубокая разумность подобного уклада, по ряду признаков воплотившего платоновское представление об идеальном государстве. В нем можно найти и свободу, уравновешенную строгим порядком, и справедливость, и гармонию. В какой-то момент и вовсе может возникнуть понимание, что все выявленные преимущества и оправданность логики такой организации общественной жизни столь значительны, что перед ними начнут меркнуть достижения, полученные в ходе становления индивидуально-ориентированной новоевропейской культуры.

Вместе с тем, если абстрагироваться от органически складывающихся в ходе истории констант социальной жизни, то существующие типы идентификаций могут показаться далеко не очевидными в случае выдвижения одного из них в качестве образца полноценной общности. Более того, проблематичным может оказаться само понятие органичной общности, которое, казалось бы, является тем логическим фундаментом, без которого невозможно представить формирование социального целого.

³ Во всех подробностях природа превознесения одной цивилизации над другой, обозначенная как феномен «оптического обмана», была проанализирована Н.С. Трубецким в его классическом труде «Европа и человечество», см. (Трубецкой, 1995: 68–82).

С такого рода проблематизацией мы встречаемся в философской концепции дискурса М. Фуко⁴, в которой на первый план вышли вопросы, связанные с определением признаков существования и средств построения того или иного дискурса. Самый общий вывод, который можно сделать из анализа Фуко, состоит в том, что в основе выбора и внедрения дискурса, как определяющего начала жизни и ее среды, лежит способность и претензия к властвованию. Власть, пронизывающая уже существующий дискурс, который регламентирует поведение человека и общества, не будет склонна отстраниться от жизни и кого-то освободить от своего воздействия, так как сама жизнь есть власть. В силу этого аналитический план Фуко заключался в том, чтобы добиваться понимания проникновения форм власти в самые разные сферы – от повседневно-бытовых до высокоинтеллектуальных практик – и, благодаря этому, отыскивать способы ускользания от их давления на человека. Но возможен и другой проект осознания, который при таком же признании неустранимой вездесущности власти, наоборот, в противовес замыслу Фуко, будет нацеливаться на «слияние» с дискурсивной модификацией власти, благодаря чему как раз таки и будет раскрываться богатство и приемлемость иной культуры, некогда казавшейся совершенно чуждой.

Предложенное Фуко понимание феномена власти как отношения сил, выступающих порождающим началом всякого дискурса, позволяет найти объяснение тому, как устанавливается различие между формальными, несущественными и содержательными, существенными принципами, обеспечивающими дифференциацию явлений по степени их значимости. В зависимости от дискурса одно и то же явление может быть признано несущественным в одном случае и существенным – в другом. И эти различия будут говорить о разнице типов и способов реализации власти, благодаря чему дискурс приобретает определенность своего внутреннего устройства, в соответ-

⁴ См., напр., (Фуко, 1996: 47–96).

ствии с которым вводятся критерии оценки явлений, имеющих место в исторически данном дискурсе.

Например, предпочтение того или иного идеального образа человеческой внешности в исторических рамках психоаналитического дискурса будет объясняться наличием у человека сформированного в детстве комплекса (образа матери или отца). В трансцендентально-критическом дискурсе Канта такой выбор будет определяться субъективной игрой воображения, метафизическим и неутилитарным эстетическим вкусом, усматривающим гармонию частей. В естественно-научном (биологическом) дискурсе *привлекательное* для всех людей мира будет раскрываться через одинаковый набор общих неосознаваемых критериев, среди которых существенными окажутся качества, указывающие «на плодovitость, хорошее здоровье и сопротивляемость к болезням», причем эти ценности будут разделять «даже самые неискушенные зрители – младенцы трех и шести месяцев» (Кандель, 2016: 415). Однако все эти дискурсивные подходы, использованные для интерпретации имеющегося образа прекрасного, наделяются авторитетностью и властью объяснять только в силу их принадлежности к более обширным дискурсивным полям.

Фуко занимался исследованием условий формирования дискурсивных пространств, которые наполняются теми или иными способами восприятия, описания и оценивания мира (как физического, так и социального). Поэтому, приняв в качестве методологической основы теоретический анализ дискурса Фуко, можно прояснять специфику постоянно воспроизводимого конфликта поколений. Дискурсивные модели, посредством которых человек адаптируется к миру, исторически сменяются, обуславливая возникновение различий в представлениях относительно, казалось бы, одних и тех же вещей. Дискурсы, сосуществующие на исторической границе, пробуждают обоюдные чувства подозрительности и страха за будущее. Приближающийся новый дискурс может

произвести разрыв времен, в результате которого использование привычных понятий будет затруднять понимание того, что наступает. В свою очередь, старая модель внушит не меньший страх новаторам, так как в ней будет видеться естественное препятствие к установлению и закреплению новых правил представления мира.

Поэтому в отношении глубинной мотивации к самим инновациям может применяться оценочная характеристика, критерием которой выступит конкретно выбранный дискурс. С одной стороны, стремление навязать всему миру свой стандарт жизни может свидетельствовать о творческом потенциале, об учреждающей силе нового дискурса, разрывающей рутину старого. С другой стороны, возникший в современном мире образ постоянно обновляемой жизни, со стремлением к *исключению* из нее консервативных элементов и неприятием в ней всего устоявшегося, может расходиться с допустимым и вполне приемлемым пониманием жизни как незатейливого и «простого» существования. В случае согласия на спокойное однообразие, присутствующие в жизни отношения подавления будут смиряться, обеспечивая условия для того, чтобы ими можно было не столько тяготиться, сколько воодушевляться, замечая в таких отношениях естественное сподручное средство для закрепления ясных и устойчивых приоритетов в ведении жизни. Правда, развив эту позицию до предела, в ней можно будет увидеть смирение, родственное стокгольмскому синдрому. Однако если ее все же не гиперболизировать, то в ней может открываться неподдельное чувство счастья, вовсе не нуждающегося в креативной энергии преобразования жизни. И тогда любые категорические наставления о необходимости иного отношения к жизни, как и призывы не довольствоваться существующим положением дел, будут только провоцировать сопротивление, создавая основу для оценки подобной навязчивости как проявление зависти.

В латентной зависти «новатора» будет видеться утаивание его собственной неспо-

способности достичь похожего переживания жизни. Эта зависть превратится в знак перверсии, являющейся следствием разочарования и растерянности перед потерей веры в человека. Снобистские и эстетские позы окажутся в этом случае не более чем фиксацией болезненного одиночества и внутренней пустоты, ретушируемой с помощью выставленной на публику искусственной статусной значимостью. Живущие же по принципу «незатейливого» счастья не воспримут свое «рутинное» существование в качестве символа жизненного поражения, так как незатронутой останется их «наивная» вера в правильность его формы, даже если такая форма не будет соответствовать ситуативной нормативности, уже апробированной массами.

Встреча с представителями «непереходного» класса, отказывающегося гнаться за постоянно меняющейся жизнью, будет порождать у класса креатив-селебрити и их единомышленников дискомфортные ощущения, раздражение и когнитивный диссонанс, так как не будут находиться убеждающие прагматико-рациональные объяснения существования такого рода «отсталости» и «чужаковости».

Спонтанной реакцией (причем обоюдной, так как и «отсталые» не чужды разрушительной зависти) на это обстоятельство может стать планирование стратегии сегрегирования, разграничения зон присутствия, благодаря которым будет достигнута изолированность, в худшем случае – изолированность враждебности, в лучшем (хотя сомнительно, что это лучше) – взаимного равнодушия.

Однако если в подобной пограничной ситуации еще сохраняется желание удерживать принадлежность к общей культуре, то ничего другого не остается, как вступать на территорию пересечения сил и выстраивать маршруты различных движений таким образом, чтобы идущие следом начинали воспринимать предшественника в качестве правила, стабилизирующего систему в порядке. Благодаря этому появятся условия для преодоления несовершенства состояний, произойдет не уничтожение системы

в страхе перед различием, а овладение им ради рождения дискурса, полагания новых разметок существования, дающих определенность всему остальному. Спротивление тогда начинает конструктивно служить преодолению одним дискурсом принуждающей силы другого дискурса. Порождающие силы власти формируются обоюдностью сопротивления этих дискурсов.

Поэтому старое, как консервативное сопротивление, отстаивающее устойчивость сложившегося дискурса, сталкивается с инновационным сопротивлением, требующим обновления жизни. Но стабильность, на которую чаще всего уповают консерваторы, присуща и самой новации. Тем самым старое и новое открываются своими обратными сторонами, как только выступают с претензией на универсальность. Конструктивное сопротивление показывает диалектическую сущность жизни: новация, возведенная в принцип, соотносится со стабильностью, как и в не меньшей степени консервация дает основание для наступления обновления в качестве условия самосохранения.

Таким образом, наблюдение за историей дискурсов приводит к пониманию закономерностей в работе механизма по их отмене. При разнице форм перехода из одного дискурса в другой суть самого процесса остается неизменной. Дискурс меняется посредством *исключения*, классифицирования, определения, ограничения и других процедур, обеспечивающих существование конкретности дискурса. И в этой связи примечательно, что смена дискурсов может достигаться через изменение порядка в иерархии одного существующего дискурса. При нарушении порядка начинает формироваться другой дискурс, т.е. в различных дискурсах слагаемые могут быть одними и теми же, но при их иерархической перестановке суммарный итог дискурса может поменяться вплоть до противоположного. Например, в относительно консервативном позднесоветском дискурсе значимость материальных ценностей не подлежала сомнению, однако в его иерархическом порядке они не занимали безусловно первого

места. В том случае, когда им было предоставлено такое место, дискурс радикально изменился.

Вместе с тем при происходящей смене дискурса нельзя сказать, что нивелируются абсолютно все ценности, имевшие значение в предшествующем дискурсе. Однако тенденции к такому стиранию обозначаются тем сильнее, чем *быстрее* происходит трансформация дискурсов и микродискурсивных политик, в результате чего прошлое все больше и больше предается забвению. Дискурс последовательно видоизменяется, двигаясь от мягкой к радикальной форме столкновения нового с уходящим дискурсивным порядком⁵.

**«Да, были люди в наше время,
не то, что нынешнее племя...»⁶**

При всей существующей критике теории поколений, предложенной Н. Хоузом и У. Штраусом (Howe, Strauss, 2000), для схематичной наглядности допустимо воспользоваться их классификацией по годам рождения и тем самым проиллюстрировать процессы изменения поколенческих дискурсов в России за последние условные 40 лет.

Основу выдвинутой американскими авторами теории составил анализ культурно-исторической среды, которая отличается от российской. Соответственно, некоторые типические черты выделяемых здесь поколений будут не совпадать с теми, которые мы находим в аутентичной классификации⁷. Немного будет изменена и хронология смены поколений в совре-

менной России: 1964–1982 (эпоха «застоя», завершающаяся смертью Л.И. Брежнева, а не кончиной К.У. Черненко) – поколение X; 1983–1999 (продолженный процесс распада СССР) – поколение Y (миллениалы); 2000-по настоящее время – поколение Z (см.: Сапа, 2014: 24–30). Кроме того, сразу оговорим, что предлагаемые наблюдения носят умозрительный характер, цель которых состояла не в том, чтобы с социологически релевантной точностью вывести обобщенные психологические портреты негетерогенных внутри себя поколений⁸, а в том, чтобы дескриптивно представить экзистенциально-понятийный инструментарий, посредством которого включаются механизмы исключения, запускающие процесс образования нового типа человека и новой социальности.

Сужение рамок рассмотрения тремя указанными поколениями обусловлено их востребованностью, т.е. степенью их активной вовлеченности в построение современного мира⁹. Содержательные характеристики выбранных поколений будут представлены в неравномерных пропорциях. Вести полноценный разговор о поколении Z весьма проблематично по причине его пока еще очень незначительного участия в жизни общества, поэтому более подробное освещение получило поколение Y в силу его буферного положения между двумя другими, т.е. как наиболее значимого звена в сохранении межпоколенческих связей в условиях современных социокультурных пертурбаций.

Очевидно, что каждое из рассматриваемых поколений дифференцировано по своему составу и некоторые его части (как на уровне индивидуальностей, так и на уровне групп и субкультурных образований) могут сильно отличаться друг от друга по многим показателям. Точно так же можно заметить взаимное наложение некоторых типологических черт

⁵ В истории России таких примеров было предостаточно, когда возникало представление, что образовавшаяся культурная пропасть столь велика, что ни о каком единстве народа или нации говорить уже не приходится (см.: Нефедов 2011: 45–57).

⁶ Приступая к дескриптивной части исследования, следует отметить, что при описании сложного процесса смены дискурса поколений мы сосредоточимся только на процедурах исключения, изменения порядка в иерархии дискурса и переименования, оставив за скобками такие процедуры формирования дискурса, как классифицирование, определение, ограничение и т.д.

⁷ О проблеме адаптации теории поколений Хоуза-Штрауса к российским условиям (см.: Асташова, 2014: 108–114).

⁸ С такого рода анализом можно познакомиться, напр., в (Левада, 2001: 7–19; Семенова, 2001: 256–271; Радаев, 2018: 15–33; Петухов, 2014: 239–259).

⁹ Описания предшествующих им поколений в истории России XX в. представлены, например, в (Радаев, 2020).

в классификационных целях (но не только из-за них), приписываемых только одному из поколений. Эти аспекты объясняют, почему при знакомстве с исследовательскими работами по данной теме иногда можно встретить *отдельные* характеристики (например, относящиеся к поколению Z), которые по своему содержанию оказываются почти диаметрально противоположными или, наоборот, совпадают при описании разных поколений. И все же при всех изъясных любой универсализации, умаляющей множество существующих уникальностей, обобщенное изображение – не чистый вымысел, так как в своем истоке оно соотносено с действительностью¹⁰.

Поколение X прожило свою молодость еще при социализме, и, хотя оно лишилось идейного запала и созидательного коллективистского энтузиазма, что сильно его индивидуализировало, внутренне оно осталось носителем многих ценностей советского, коммунистического дискурса, в основе которого лежал приоритет общественного над частным, в том числе выраженный в привитом *чувстве долга*.

С началом распада Советского Союза формируется поколение Y, для которого начинают меняться приоритеты, и то, что в советское время дремало в подполье, получило признание. Дух, нацеленный на удовлетворение материальных интересов, в конечном итоге собрался в образе легкой жизни, дающей развлечения и наслаждения. Идеологически расцвету такого духа благоприятствовали теории либертарианского толка¹¹, одна из формул которых

¹⁰ «...Все понятно, что стиль определяется социальными и культурными факторами, независимо от того, достигают импульсы поколения заметного стилистического единства или остаются скрытыми» (Мангейм, 2000: 45). Метафорическая иллюстрация (образ каравана) единства стиля поколения дана Х. Ортегой-и-Гассетом в (Ортега-и-Гассет, 2000: 262).

¹¹ Хотелось бы заметить, что на Западе появление либертарианских теорий во многом связано с представителями поколения бэби-бумеров, которое очень часто оценивается как эгоистическое поколение (см.: Хиггс, Джиллеард, Джонс, 2014: 10–30). Добавим, что эгоцентризм либертарианства несёт в себе не дух европейскости, а дух европеизации, сущность которого состоит в том, что «при сравнении разных культур

могла бы звучать как «Я никому ничего *не должен*».

Тем не менее при распространении новой дискурсивной практики, в содержании которой уже частное превалирует над общественным, элементы опыта предшествующего поколения сразу не исчезли. Поколение Y, несмотря на потерю веры в прежние идеалы и выбор для себя новой веры в построение мира на индивидуалистических началах, не отказалось от ряда идей прошлых поколений.

Поколение X не склонно было идеализировать советского человека, но оно продолжало видеть в нем живую естественность, совмещающую в себе как бытовые блага, так и идеалы, далекие от меркантильных и эгоистичных интересов (чувство долга, вера в будущее, готовность к самопожертвованию). В такого рода сочетании состоял их моральный кодекс, побочным следствием которого становились менторство и морализаторство. Поколение Y спродуцировало новый тип морализаторства, составными частями которого становились свобода, равенство прав и их защита в справедливо функционирующих юридических институтах. К XXI в. в рамках существования ООН данные положения декларировались уже почти повсеместно, являясь общим и неоспоримым местом политического дискурса. Однако через свою декларативность они все больше превращались в популистские заклинания, за которыми уже переставало выражаться что-либо, что имело бы отношение к реальному состоянию дел. Апелляция к этим значениям, мнимо совпадающим с их смыслом, приобретает исключительно PR-функциональность или преследует властно-манипулятивные цели. Но позиционируются они по-прежнему на уровне некоего откровения в сравнении с якобы не знавшим их прошлым. В таких вырождающихся в пропагандизм акциях

между собой европейцы знают лишь одно мерило: то, что похоже на нас, – лучше и совершеннее всего, что на нас не похоже» (Трубецкой, 1995: 81), следствием чего становится стремление к «нивелировке всех национальностей земного шара и подчинения их всех единообразной культуре и одному общему укладу жизни» (Трубецкой, 1995: 99).

уже прослеживаются не только неплохо монетизируемые расчеты, но порою и неблагоприятные и далекие от морали устремления. Спекуляции по этим вопросам в поколениях Y и Z одновременно возбуждают революционный дух и наводят апатию, которая отчасти близка и поколению X.

Жившее в сравнительно спокойное время и приспособившееся к слаженной работе советских социополитических и экономических структур, больше готовое добросовестно, но пассивно исполнять, чем управлять, поколение X становилось поколением мечтательно отвлеченным, обособляющимся в общностях, в которых можно было предаваться поэтико-метафизическим настроениям и рассуждениям. Но после социально-политических перемен 1990-х гг. рефлексивным романтикам предстояло столкнуться с грядущим поколением офисных прагматиков. На время детства поколения Y выпали бедность и лишения в реформируемой стране, поэтому оно искренне и оправданно желало лучшей жизни¹².

Поколение Y, оставив позади самые болезненные моменты переходного периода, начинает воспринимать себя наполненным непосредственностью самой жизни, ее активным организатором, требующим не экономии, а расхода энергии. В силу этого его проблематично выставлять потерявшимся поколением в искусственных, виртуально представимых аналогах жизни. Хотя, действительно, обстоятельства времени во многом превращали человека поколения Y в замкнутого в себе одиночку, преодоление чего искалось в упрощенном онлайн-общении. Мир в онлайн-режиме может моделироваться по собственному усмотрению, независимо от всевозможных

статусов его участников, ограничивающих жизнь в реальности. С развитием технологической тенденция к онлайн-взаимодействию и погружению в сетевую жизнь усиливалась, делая поколение Y авангардом диджитал-поколения, поколения Z, уже не мыслящего своего существования без онлайн-интерактива.

Одиночество становилось участью поколения Y. Преодолевалось оно все же больше не в виртуализированном общении, а в остром осознании, что каждый предоставлен только самому себе. Лишившись чувства единства, они формировались со знанием того, что им надо, что за все требуется платить самим и что ни на кого нельзя полагаться. Развив в себе способность к противостоянию обстоятельствам, научившись с умом менять их под себя, человек этого поколения становился еще безыскусно голодным к материальным благам и удовольствиям, и ради них – нацеленным, собранным и самоуверенным. В нем еще меньше, чем в поколении X, отзывается эхо войны, поэтому ему чужды геополитические прожекты о дележе мира, во что оно совсем не желает ввязываться, видя в этом угрозу своему спокойствию и самоуважению. Ему присуще понимание себя как совершенно живое и активно творящее жизнь поколение, ради чего необходимо вести здоровый образ жизни, заниматься спортом, быть расчётливым и прагматичным.

Как было отмечено, поколение Y, существуя на принципах личной инициативности и предприимчивости, продолжало сохранять связь с ценностями, характерными для советского дискурса, без которых невозможна была их собственная реализация. Однако в отличие от поколения X, последнего носителя советского дискурса, такие качества, как трудолюбие, ответственность, профессионализм, должны были послужить игреку для обеспечения не общего, а индивидуального благополучия. Эта задача уже требовала избавления от прежних иллюзорных представлений о мире, преодоления слепоты в отношении него, которая «видела» мир во взаимном согласии составных частей как гаранта дости-

¹² Поколению X такого рода трудности были знакомы лишь на уровне далеких отголосков военного и послевоенного времени, благодаря чему в нем складывался комплекс бережливости и экономности, в негативном ракурсе оцениваемый как скупость. В то же время бережливость поколения X парадоксально сочетается с его расточительностью по отношению к собственной жизни, вызванной, возможно, идеологической дезориентацией: алкоголизм, высокий уровень разводов, полная лояльность по отношению к абортам, необязательность брака, низкий уровень рождаемости.

жения стабильности и незыблемости порядка. Для поколения Y, наоборот, мир полон напряжений и динамики, он как бы взывает к изменениям, благодаря которым все его составные части совершенствуются по отдельности. В этом свете на первый план выходит не проект достижения единства и согласия, обещающих эмоциональный комфорт, а установка на самореализацию и обретение личного *успеха*, представление которого в качестве самоценного факта жизни в своем пределе допускает даже игнорирование и разрушение общности существования¹³.

С одной стороны, успех можно связать с динамическим аспектом, проявляющим себя в обязательном выполнении ряда условий: получать образование, постоянно саморазвиваться, прилагать достаточные усилия для достижения поставленных целей, и даже готовность ради них идти на самопожертвование, способность отстаивать свои права, быть решительным, находчивым, изобретательным и т.п. Все эти качества во многом присущи поколению Y, делая его *динамическим поколением*.

С другой стороны, в современности сложилось понимание успеха посредством его статической определенности. Под этим могут подразумеваться различные сферы деятельности, в которых и надлежит реализовываться человеку, если он нацелен на признание себя в качестве успешного. Перечень профессий может расширяться (например, бизнесмен, юрист, блогер, артист, IT-специалист и т.п.), но в любом случае он составляется на основании произведенных *исключений*, т.е. выделения тех сфер, которые никак не будут приближать к успеху (например, рабочий на заводе, школьный учитель, дорожный рабочий, участковый врач и т.п.)¹⁴. Подобная пре-

зентация успешности при совмещении ее с выгодной капитализацией задает идеальное представление об успехе как о жизненном состоянии, содержащем обязательные и его обосновывающие внешние атрибуты. Именно на это преимущественно и ориентируется новое поколение. С таким *статическим поколением* начинает соотноситься поколение Z¹⁵.

Увлеченность в культивировании принципа личной успешности, поройходящая до маниакальной страсти, приводит к установлению, казалось бы, искорененной стабильности, которая начинает довлеть над человеком в инновационном формате. На всевозможных психологических тренингах и на встречах с лидерами общественного мнения неустанно транслируется по существу единственная, предлагаемая в качестве универсальной идея, заключающаяся в том, что все зависит только от самого человека, что он всего может достичь сам, если обретет веру в себя, научится работать с самим собой, правильно себя организовав, и в конечном итоге сможет сделать себя тем, кем он хочет быть. Нет никакого сомнения, что психологически подобные наставления и установки сильно заряжают человека. Создается мощная мотивационная основа для обращения большого количества людей к предприятиям по реализации самых смелых своих фантазий. Углубленный анализ предлагаемого набора рецептов, следуя которым можно будет достичь всего обещанного, показывает, что он состоит из поверхностных алгоритмов, с большими оговорками применимых к реалиям жизни. Из них создается искусственная матрица для рационально-просчитываемых проектов, которые существенно отклоняются от сложной и непредсказуемой, но полноценной при этом жизни,

¹³ См.: Данные социологических опросов и их анализ в (Зарубина, 2012: 252).

¹⁴ Примечательно, что именно такую перспективу замены классовой стратификации общества на профессиональную обрисовывает Н.С. Трубецкой, когда показывает иллюзорность надежд на упразднение отрицательных последствий европеизации в случае смены капиталистического строя социалистическим, при котором вроде бы исчезнет деление общества на классы

и сословия, т.к. сохраняющийся при нем «принцип разделения труда неминуемо приведет к социальной группировке по профессиям» (Трубецкой, 1995: 100).

¹⁵ Склонность к малоподвижности и тенденция к инфантилизации поколения Z, в сравнении с предшествующими поколениями, проанализированы в западных и отечественных социологических исследованиях, см., например (Твенге, 2019: 33–69; Майорова-Щеглова, Митрофанова, 2020).

включающей в себя как радости, так и страдания (целую палитру не калькулируемых эмоций). Такому представлению о динамической, постоянно обновляющейся жизни будет органичен образ вечной молодости и силы здоровья, и, наоборот, из него необходимо должны быть *исключены* старость и слабость.

В процессе «успешного» самосовершенствования вся энергия направляется на извлечение прибыли, которая ассоциативно сводится к получению чувственных наслаждений взамен просветляющей силы созерцания и строгой точности мышления. Закладывая в основу жизненного развития подобные принципы, по видимости гарантирующие позиционирование субъекта в качестве самостоятельной и независимой личности, фактическое сознание на деле инфантилизируется и десубъективируется. Продуцирование энергичности, целеустремленности, деловой хватки и прочих качеств, имеющих в виду человека не в целом, а с точки зрения его полезности как производителя и потребителя, обретает значение первостепенно-ориентирующей практики. Алгоритмизированное производство этих качеств обрамляется методичками и инструкциями, диктующими правила эффективных действий. Включаясь в этот процесс, человек превращается в придаток, энергоресурс функционирующей глобальной машины управления. Фабрикуемое «пластмассовое» мышление (т.е. мышление, формуемое под ситуации развития и нужды системы) определяет человека с искренним порывом покорять и подчинять себе мир, но на самом деле оставляет его в полной власти этого мира, ведомым и тотально ему подчиненным.

В общих чертах похожие описания можно отнести к любым дискурсивным практикам. Однако в дискурсе современности функции подавления осуществляются более скрытым образом, когда они оказываются рассеянными во внешне продекларированных формах демократического сосуществования. Например, та или иная выгода всегда была значимым элементом мотивации человеческого поведения, одна-

ко далеко не всегда она становилась принципом самого существования. Точно так же во все времена социум состоял из большой процентной доли ведомых, но их согласие на эту роль может иметь разные мотивы – либо вдохновенность высокими идеями (ныне нередко признаваемых пустыми), либо одержимость идеями обогащения. Если же припомнить психоаналитические выводы Фрейда о деньгах как экскрементах (см.: Фрейд, 1991: 155)¹⁶, то для носителей идеи обогащения, которой придается статус определяющей ценности, жизнь начинает стремиться к нулевой точке человеческого достоинства.

**«У нас прекрасная молодежь!
Можно сказать, героическая!»**

По мере развития либертарианского дискурса, проводниками которого постепенно становится поколение Y, *сфера исключаемого* из него расширяется. Чем больше он закрепляется в сознании, тем явственнее обесцениваются прежние понятия, подлежащие *исключению* или переименованию, – душа, любовь, верность, добро, справедливость, совесть, бескорыстие, долг и многие другие. Они приобретают столь архаичную значимость, что их упоминание начинает создавать трудности в налаживании коммуникативного контакта между разными поколениями. Для объяснения факта продолжающегося использования их в повседневной жизни достаточным оказывается либо признание их риторической фигуральности, либо указание на то, что они являются ненаучными формами выражения определенных эволюционных нейропроцессов. И если излишнее воздействие биохимико-физической природы этих явлений на психику можно научиться купировать рационально продуманными средствами, то веру в них резоннее заменить на достоверность своей индивидуальности, на очевидность своего *эго*, в горизонте которого только и следует осмыслять данность жизни. Любую решимость подвергнуть сомне-

¹⁶ Обращает на себя внимание и другой вывод Фрейда: торможение в развитии на анальной стадии закрепляет инфантильные черты характера (Фрейд, 1991: 152).

нию свое эго ради каких-то эфемерных ценностей, вызывающих, кроме всего прочего, исторические аллюзии об их связи с испытаниями и лишениями, проще объявить следствием нерационально и прагматично выстроенной жизни, нежели признавать в них фундаментальный момент свершения человеческой сущности. Полагаясь на такую установку, даже в благотворительной деятельности можно начать искать расчет, производимый либо в силу моды, либо в силу бессознательно снимаемой с себя вины за свой эгоизм.

В этом контексте проявляется еще один *параметр исключения*, посредством которого формируется новый дискурс, – страдание. По возможности страданий не должно быть ни в каком виде. Такая дискурсивная установка заметно отличается, например, от христианской, в пределах которой имеет хождение пословица «Бог терпел и нам велел».

Для витализма поколения Y характерен страх перед страданиями, которые интерпретируются ими как нечто противоестественное. В системе современного всеобщего образования находит свое значимое место идея о том, что бесчисленное количество человеческих мучений¹⁷ во всемирной истории преимущественно явилось своеобразной расплатой за преданность идеалистическим мечтаниям, за надежды на возможное совпадение понятий о некоем единстве с самим его бытием. Поскольку же не удастся выявить безусловных рациональных оснований для онтологизации подобных понятий, то со столь же идеалистической опрометчивостью предлагается *изъять* их из дискурсивного оборота. Поэтому и любую спонтанность, хоть малейшим образом допускающую вхождение в круг сансары страдания, следует также *исключить* из реестра жизненных стратегий. Правда, приходится признать, что предлагаемые выходы из уже имеющегося

¹⁷ Мучения и страдания чаще всего отождествляются, хотя в христианской традиции между ними проведено тонкое диалектическое различие. При их отождествлении из понятия «страдание» исчезает составляющая духовного делания и остается только свидетельство о претерпеваемой телесной боли.

круга выглядят не столь одухотворенными в сравнении с найденным Буддой. Вместо погружения в долговременные духовные практики создаются зоны комфорта, благодаря которым успешно предаются забвению и эффективно отдаляются любые переживания, готовые обернуться страданиями. Лучше всего с этим удастся справиться в изобретенных виртуальных и сетевых пространствах, в которых присутствие холодящих кровь ужасов в силу их виртуальности лишается своей степени интенсивности, имеющейся в реальности.

Панический страх перед болью заставляет искать спасения от нее в радости прибыли. Тем самым психика новых поколений вместо обретения зрелости поверхностно усваивает знаковую атрибутику нового дискурса, усугубляя этим еще больше процесс собственной инфантилизации. Однако саму жизнь (хотя бы в ее психобиологической данности) трудно обмануть рациональными средствами, поэтому отчужденные от нее страдания возвращаются назад в прогрессии. Они неизбежно настигают тех, кто утрачивает готовность к их проживанию, а выбранные средства по их ограничению, наоборот, усиливают их концентрацию, и доведенная до предела сжатая пружина неминуемо распрямляется, обрушивая страдания сверх меры.

Симптоматику этой нехватки можно найти в разных явлениях жизни. Например, она заявляет о себе в феномене сознательного поиска опасностей с повышенной вероятностью смерти. Причем какой бы то ни было разумной и оправданной необходимостью в совершении таких действий не существует, в то время как их последствия нередко оборачиваются трагедией, как это происходит в случае экстремальных увлечений молодежи. Но в массовом порядке экстремальных ощущений никто не ищет, а допущение и принятие страданий в качестве промежуточного средства для наращивания материальных благ оказываются явно недостаточными, чтобы сохранить свое реноме, когда жизнь предъявляет испытания, не подразумевающие личного благополучия. Временно поддер-

живаемая успешность тогда рассеивается словно туман, и борьба за получение выгод и удовольствий сменяется демонстрацией неспособности к настоящему сопротивлению, беспомощностью и пассивностью, девальвирующими все имеющиеся статусы.

Пока последнего не произошло в дискурсе, превращающего человека в активный функционал самосовершенствования и вовлекающего его в процесс постоянного обучения ради карьерного роста, меняется структура организации личного пространства человека – из него до наступления лучших времен *исключаются* семья, дети, друзья, родные и близкие. Однако для большинства такие времена не наступят. Процент деловых и предприимчивых людей, способных самостоятельно добиваться высоких целей, константен почти во все эпохи¹⁸. Естественная социальная органика настраивает жизнь таким образом, чтобы не нарушались соответствующие природе общества пропорциональные отношения между образующими его элементами. Одним из знаков нарушения такого баланса становится появление жертв *политики эгоизма успеха*.

Но факт, что обещания сбудутся лишь для меньшинства обучаемых, заслоняется рекламными слоганами и до поры до времени их несбыточность остается неочевидной. Жизнь по маркетинговым лекалам дезориентирует даже тех, кто ранее имел за спиной тяжелый опыт, так как здесь диапазон

¹⁸ Без предрасположенности, т.е. наличия специфических личностных свойств, невозможно стать по-настоящему успешным. Имеющиеся количественные данные о тех, кто обладает способностями быть эффективным в предпринимательской сфере, вполне можно экстраполировать и на другие области человеческой деятельности, в которых требуется проявление лидерских качеств, исторически обозреваемых в самых разных достижениях. Существуют экспертные оценки, согласно которым количество успешных, имеющих реально выраженный предпринимательский талант людей колеблется в пределах 5–8 % от общего числа трудоспособного населения (Кастосов, Иванова, 2006: 1). В то же самое время количество тех, кто проявляет предпринимательские намерения, в некоторых странах доходит до показателя выше 60 % (в России этот показатель держится в среднем на уровне 25 %) (см.: Верховская, Богатырева, Дорохина, Кнатко, Шмелева, 2020: 33–35).

жизненных предложений сужен до извлечения сиюминутных наслаждений, а из проекций будущего *исключаются* любые сценарии, не подразумевающие в качестве сюжетного центра индивидуалистические интересы субъекта наслаждений. Понимание бесперспективности подобных моральных и материальных инвестиций приходит много позже, когда инфицированных идеей успешности становится слишком много. Для функционирования манипулятивной системы отсрочка пробуждения является положительным моментом, усиливающим неспособность «заразившихся» поставить под сомнение саму идею. На долю последних в лучшем случае выпадает разочарование от упущенных возможностей, помеху в реализации которых они будут видеть либо в чистой случайности, либо в злых умыслах завистников; в худшем – у них образуется комплекс неполноценности, чувство выброшенности из якобы полноценной жизни, *исключающей* все иные, кроме ангажированных, способы выражения социальной востребованности. Поэтому при отсутствии конструктивных шагов в направлении создания позитивного образа всех сфер профессиональной деятельности количество людей, считающих себя ничемными, будет нарастать.

Поколение Y частично положило начало этой тенденции, а поколение Z берется ее продолжить. Их представителям, ищущим большого успеха, при столкновении с трудностями не хватает терпения их преодолеть. Тогда они готовы ограничиться малым, но обязательно имеющим отношение к легитимированным внешним атрибутам преуспевания (например, работать в офисе, а не за заводским станком) (см.: Уокер, 2012: 521–538). Однако если и с получением малого с его относительными формами успеха они не справляются, то в них вызревает инфантильная готовность отказаться от преобразования своей жизни, делая предпочтительным для себя пассивный способ существования. Когда другие жизненные перспективы оказываются не вписанными в сформировавшийся дискурс жизни, т.е. когда отсутствуют альтернативные прин-

ципу успешности ориентиры, ничегонеделание открывается как выигрышная идея (один из импульсов для поколения NEET¹⁹). В ситуации образовавшейся зоны комфорта в виртуальном пространстве, когда не требуется больших материальных средств для поддержания своей жизнеспособности, можно пренебречь необходимостью решения сложных жизненных задач²⁰. Это согласуется и с естественным желанием пресекать возможные нелицеприятные оценки имеющегося личного статуса, если он будет связан с социально «непрестижными» профессиями. Никто не захочет попадать в маргинальное положение и выставлять напоказ почти априорно случившегося с человеком фиаско по жизни.

Таким образом, само устройство современной социокультурной среды содержит в себе основание для *исключения* из нее человека как такового (с его готовностью к страданию, с его солидарностью, с его способностью к целеполаганию за пределами личной выгоды и пр.), что позволяет дать одно из объяснений существующей психологической мотивации к эскапизму. Доминирующая идеология, нормирующая человеческую реализацию через почти что насаждаемый принцип успешности, создаст все условия для выбора такой позиции. Данное течение дел может привести к полной беззащитности перед возникающими угрозами, вынуждая принять как должное направленность поведения на подчинение, нежели на сопротивление. Но этот же принцип успешности ведет и к обратному состоянию, с не менее трагичными следствиями: бесконечно вращаясь как белка в колесе, в гонке за обретением фантомных ценностей успеха человек расходует на это всю свою жизнь, хотя так ничего и не добивается. Разрастающиеся до иррациональных размеров расчетливость и прагматичность доводят рефлексию до положения служанки неорганичных жизни целей, при достижении которых человек превращается в средство изощренной игры материально-производственных сил. Логика такого раз-

вития ведет к выработке идеологических принципов, приверженность которым уподобляется худшим стандартам религиозного верования. Прекрасная задача *сотворения себя* оборачивается банальным и фанатичным эгоцентризмом, который, без равновесной ему идеи солидарности, влечет общество к гибели.

Поэтому значительной части поколения X в тиражировании принципа личной успешности видится проявление не критичности ума, рассудочной составляющей которого ограничен поиск оптимальных подходов к организации социальной жизни. В случае превращения самого изменения в нечто самоцельное как залога роста успешности, начинает размываться сама почва (общество), на которой такие изменения только и становятся возможными. Поколение X считает, что в пренебрежении такими знаниями и при отсутствии потребности в их осмыслении заключается серьезная опасность, так как в рамках дискурса этого поколения принцип изменений ради изменений («движуха по приколу») становится не только непродуктивным и наивным в социальном плане, но и внутренне обесценивающим самого человека. К подобной крайности склоняется поколение Z, непосредственно и во всей ее выразительности адаптирующее либертарианскую идеологию, добавляя к ней особенности психологического развития, протекающего в условиях сложившейся высокотехнологичной информационной и виртуальной реальности. Следующая за этим тенденция к воплощению идеалов трансгуманизма²¹ оказывается логичным продолжением и усилением действия тех принципов, изначально проводниками которых выступило поколение Y.

В результате с учетом нарастающих скоростей технологических изменений возможность коммуникации с поколением X для поколения Z по внешним признакам становится еще более призрачной. Допол-

¹⁹ «Not in Employment, Education or Training».

²⁰ См.: Социологические выкладки (Зарубина, 2012: 255).

²¹ См.: Концептуальный обзор и анализ существующих социальных тенденций и направлений, имеющих отношение к реализации и идей трансгуманизма (Катерный, 2017: 91–134; Катерный, 2019: 13–34).

няет эту проблему и произошедшее в постиндустриальном обществе разрушение образовательно-воспитательной модели межпоколенческой связи по линии дед-внук (дядя-племянник), существовавшей в традиционных обществах. Продвижение и закрепление либертарианской идеологии в сознании поколения Z повышает уровень его отдаления от поколения X, а «его ценностные ориентации могут стать основой для нарушения поколенческой консолидации и стабильности в обществе» (Семенова, 2001: 270). Поэтому остается надеяться, что у поколения Y еще существует внутреннего ресурса, для того чтобы выступить медиумом между ними в силу теплящейся в нем умеренной лояльности к пошатнувшимся и малопривлекательным ценностям приоритетам поколения X.

Сомнения, что на это стоит рассчитывать, возникают из-за того, что происходящие дискурсивные трансформации, подобно вирусу, затрагивают сознание каждого поколения. Степень их глубинного проникновения зависит от выработанного под влиянием прежних дискурсивных практик иммунитета. Поколению Z не довелось приобщиться к этим практикам, а у поколений X и Y встречаются те, у кого иммунитет оказался слабым, и тогда новый дискурс быстро и с их одобрения проникает в них, в то время как прежние дискурсы начинают представляться ими ошибочными и неприемлемыми.

Тем не менее сегодня начинают проявляться признаки приближения переломного момента, фиксирующего осознание необходимости выработки смешанных стратегий сосуществования поколений посредством приобщения к единой культурно-исторической почве²². Перспективность такого пути находит свое подтверждение в эмпирически верифицированной концепции селективной преемственности, в свое время успешно обоснованной американски-

ми социологами Р. Лауфером и В. Бенгтсоном (Laufer, Bengtson, 1974: 186). С такой оптикой и убежденность в конфликтности поколений, и точка зрения об их органическом единстве оказываются двумя крайностями и предстают одинаково несостоятельными: «Нужно уяснить себе, что прошлое не уходит бесследно, что мы не висим в воздухе, а стоим на чужих плечах, другими словами, находимся во вполне определенном прошлом – на пути, пройденном человечеством до сего времени» (Ортега-и-Гассет, 2000: 270). При другом конструктивном подходе осмысления коммуникации поколений существование через наследование видится в духовно-символическом единстве, которое становится возможным посредством признания общности менталитета и культурно-исторической судьбы, трансляцию которой берет на себя активная воспитательная и образовательная политика. Здесь можно признать до сих пор актуальным суждение Х. Ортега-и-Гассета, что «поскольку жизнь всегда протекает в горизонте современности, в настоящем, необходимо переселиться из нынешнего мира в мир предков и увидеть их не со стороны – как тех, чей путь завершен, а как бы в их становлении» (Ортега-и-Гассет, 2000: 263).

Тем самым, несмотря на отмеченные неблагоприятные моменты в процессе культурной преемственности, остается одна существенная сторона дела: все поколенческие дискурсы, подобно матрешкам, входят в более широкий исторический контекст российского культурного дискурса, благодаря которому обеспечивается транзит общенационального культурного кода, обусловленного историческим единством страны. Пронизывая поколения, он парадоксальным образом связывает и продолжает удерживать их в целостности, что свидетельствует о до сих пор незатронутой всеми новациями натальной основы существования культурной нации²³.

²² Подтверждением наступления такого момента служат следующие исследования (Бурмыкина, 2017; Горшков, Петухов, 2015 (1): 142; Горшков, Петухов, 2015 (2): 122–149, 198–204; Горшков, Петухов, 2016: 102–104, 150, 192–194; Горшков, Петухов, 2017: 382–384; Козырева, Смирнов, 2021; Кузнецов, 2021; Садыкова, 2014).

²³ У К. Мангейма эта же мысль, на наш взгляд, передается с помощью философской категории «энтелехия»: «... От поколения к поколению энтелехии либеральной, консервативной или социалистической тенденций трансформируются, из чего можно заключить, что подразделения поколений – не простые конструкции:

Ввиду этого более широкого исторического контекста встаёт вопрос о том, насколько эффективно происходит транзит «культурного кода» посредством трёх описанных поколений? Насколько культурный код поколения, предшествующего поколению X, будет узнаваем в тот момент, когда он будет функционировать в среде поколения, наследующего поколению Z? Предварительный вывод из проведённого анализа выглядит неутешительным. Процесс трансформирования дискурса в процессе передачи от поколения к поколению управляется механизмами исключения, изменения иерархии, переименования и т.д. При транзите смыслов, заключённых в дискурсах поколений X, Y, Z, происходит чрезвычайно значительная трансформация.

Если для поколения X принцип солидарности и, в частности, целеполагания за пределами личной выгоды были вполне приемлемы, однако не имели достаточного подтверждения в готовности тратить энергию на реализацию именно общественных, а не личных интересов; то для поколения Y принцип личной выгоды становится ведущим и даже исключительным, более того, у представителей этого поколения нет дефицита готовности потратить любой запас энергии для достижения личного успеха. Такую трансформацию дискурса мы наблюдаем в координатах механизма смены иерархии ценностей. Тот же процесс в координатах механизма исключения будет выглядеть более удручающим: такие существенные для мировоззрения поколения X элементы, как страдание, душа, долг, семья, друзья, подвергаются в дискурсе поколения Y исключению или переименованию, формируя незнакомую предыдущему поколе-

они имеют собственные энтелехии, которые не могут быть поняты в себе и для себя и должны рассматриваться в более широкой структуре тендирующих энтелехий. ... Все, что можно сделать, это – артикулировать некоторые общие тенденции. Энтелехия общего направления предшествует энтелехии поколения, и та может стать результативной и внятной только внутри первой. Но это не значит, скажем, что любая из конфликтующих тенденций в данный момент времени обязательно ведет к возникновению новых энтелехий поколения» (Мангейм, 2000: 49–50).

нию антропологическую конструкцию «человека успешного».

Именно эта конструкция «человека успешного», а не более привычная – «человека как такового» передаётся поколению Z, должна будет быть адаптирована им, трансформирована и передана следующему поколению. Определить контуры этой будущей конструкции сейчас не представляется возможным, однако с большой долей вероятности можно утверждать, что эта антропологическая конструкция будет значительно отличаться от той, которую в своё время унаследовало поколение X.

Более того, в общей картине трансформации дискурса от X к Z необходимо учитывать тот факт, что характер дискурса поколения Y определяется не автохтонными элементами культурного кода, а элементами в значительной степени чужеродными. Именно таким чужеродным элементом для отечественной культуры второй половины XX в. и является либертарианский дискурс, носителем которого становится поколение Y.

И здесь необходимо констатировать наличие ещё одной сложности в процессе передачи культурного кода сквозь дискурсы поколений X, Y, Z. Согласно выводу, к которому приходит Н.С. Трубецкой, культура-реципиент неизбежно отстаёт от культуры-донора, развивается скачкообразно, теряет возможность развивать автохтонную культуру, утрачивает внутри себя социальное единство и, самое главное – в гипертрофированном виде сталкивается с проблемой отцов и детей²⁴. В нашем случае это означает, что кроме содержательных сложностей, связанных с ассимиляцией либертарианских ценностей в культурный код, мы сталкиваемся ещё и со структурной проблемой, связанной с неизбежным ослаблением коммуникации между поколениями X и Y ввиду того, что чужеродные ценности были восприняты поколением Y в значительно большей мере, чем поколением их родителей.

Стало быть, отвечая на вопрос об эффективности трансляции российского культурного кода сквозь дискурсы поколений X,

²⁴ См.: (Трубецкой, 1995: 82–89).

У, Z, мы должны принимать во внимание, во-первых, что базовая антропологическая конструкция, присутствующая в этом коде, была подвергнута очень значительной редукции, а во-вторых, что сама интенсивность межпоколенческой коммуникации в настоящее время находится на чрезвычайно низком уровне. Это пессимистический вывод нашего исследования.

Определённый же оптимизм внушает следующее соображение. Либертарианский дискурс оказывается чужеродным только для отечественной культуры двух средних четвертей XX века. В XIX же веке этот дискурс был вполне ассимилирован русской культурой²⁵, а значит, и получил

²⁵ В число наиболее ярких критиков либерализма, безусловно, входил К. Н. Леонтьев, который в «Византизме и славянстве» (1875) описывает деструктивное влияние либеральных идей на европейскую культуру, видя в либерализме причину деградации, «вторичного упрощения», культуры. Либеральные идеи в широком смысле негативно оцениваются, например, в рассказе В. Ф. Одоевского «Город без названия» (1839) и в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» (1872). Это свидетельствует

своё отражение в условном «российском культурном коде». Этот факт вселяет оптимизм по поводу возможности сохранения отечественной культурой традиционной антропологической схемы, несмотря на глубокое воздействие либертарианской идеологии в настоящее время. То есть можно предположить, что вслед за Z придёт такое поколение, в рамках дискурса которого традиционная антропологическая схема найдёт своих многочисленных приверженцев и получит своё выражение в господствующем дискурсе грядущего поколения. Кроме того, разрушение каналов межпоколенческой коммуникации может иметь и положительное значение в том случае, если сообщение, передаваемое по каналам такой коммуникации, имеет явно деструктивный характер.

о том, что либерализм был предметом глубокой рефлексии образованной части общества. Можно сказать, что крестьянская община была слабо затронута этой идеологией в XIX в., это же утверждение может быть справедливым и по отношению к Церкви.

Список литературы

- Авраамова Е. М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // *Вестник Института социологии*. 2019. Т. 10. № 3. С. 78–95.
- Асташова Ю. В. Теория поколений в маркетинге // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. Т. 8. № 1. С. 108–114.
- Бурмыкина О. Н. Межпоколенный семейный контракт: представления молодого поколения // *Петербургская социология сегодня*, 2017, Вып. 8. С. 150–159.
- Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) *Российское общество и вызовы времени*. Книга первая. М.: Весь Мир, 2015а. 336 с.
- Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) *Российское общество и вызовы времени*. Книга вторая. М.: Весь Мир, 2015а. 432 с.
- Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) *Российское общество и вызовы времени*. Книга четвертая. М.: Весь Мир, 2016. 400 с.
- Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) *Российское общество и вызовы времени*. Книга пятая. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.
- Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2002. № 2 (58). С. 11–15.
- Зарубина Н. Н. Этика ответственности современной российской молодежи // *Вестник МГИМО Университета*. 2012. № 6 (27). С. 250–258.
- Верховская О. Р., Богатырева К. А., Дорохина М. В., Кнатько Д. М., Шмелева Э. В. *Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2019/2020»*. СПб.: Высшая школа менеджмента СПбГУ, 2020. 84 с.
- Кандель Э. *Век самопознания: поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней*. М.: АСТ: Corpus, 2016. 760 с.

Кастосов М. А., Иванова Н. Ю. Предпринимательские способности как фактор экономического роста // *Вестник Московского университета*. Серия 21. Управление (государство и общество). 2006. № 1. С. 1–8.

Катерный И. В. Концептуализация социальной онтологии постгуманизма: социологические импликации // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 6. С. 13–34.

Катерный И. В. Трансмобильность и нормативный морфогенез в условиях постгуманизированного общества: как все еще возможен социальный порядок? // *Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям*. М.: Весь Мир, 2017. С. 91–134.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения // *Социологические исследования*. 2021. № 11. С. 49–60.

Кузнецов И. М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // *Социологические исследования*. 2021. № 8. С. 93–102.

Левада Ю. Поколения XX века: возможности исследования // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2001. № 5 (55). С. 7–19.

Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. *Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции*. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–63.

Майорова-Щеглова С. Н., Митрофанова С. Ю. Раннее взросление или инфантилизация: парадокс событийности современного детства // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 25–39.

Манхейм К. Диагноз нашего времени: очерки военного времени, написанные социологом // Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. М.: Юрист, 1994. С. 412–571.

Нефедов С. А. Существовала ли когда-либо русская нация? // *Научный эксперт*. 2011. № 1–2. С. 45–57.

Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // *Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды*. М.: Весь Мир, 2000. С. 233–403.

Петухов В. В. Поколение «нулевых»: идеологические установки и политическое участие в России // *Россия и Китай: молодёжь XXI века* [монография]. М.: Новый хронограф, 2014. С. 239–259.

Радаев В. В. *Миллениалы: Как меняется российское общество*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 224 с.

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 15–33.

Садыкова Х. Н. Специфика межпоколенного взаимодействия в современной России (на примере Тюменской области) // *Знание. Понимание. Умение*. 2014. № 4. С. 117–124.

Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2014. № 2. С. 24–30.

Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений // *Россия: трансформирующееся общество*. Под ред. В. А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 256–271.

Твенге Д. *Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным*. М.: РИПОЛ классик, 2019. 406 с.

Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н. С. *История. Культура. Язык*. М.: Прогресс, 1995. С. 55–104.

Фрейд З. Характер и анальная эротика // Фрейд З. *Психоаналитические этюды*. Минск: Беларусь, 1991. С. 151–155.

Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.

Уокер Ч. Класс, гендер и субъективное благополучие на новом российском рынке труда: жизненный опыт молодежи в Ульяновске и Санкт-Петербурге // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10. № 4. С. 521–538.

Хиггс П., Джиллеард К., Джонс Я.Р. Эгоистическое поколение: исследование концепции // *Социология власти*. 2014. № 3. С. 10–30.

Howe N., Strauss W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. New York: Vintage Books, 2000. 432 p.

Feuer L. S. *The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movements*. New York: Basic Books, 1969.– 543 p.

Laufer R. S., Bengtson V.L. Generations, Aging, and Social Stratification: on the Development of Generational Units // *Journal of Social Issues*. 1974. 30(3), pp. 181–205.

References

Avraamova E.M. Social'noe pozicionirovanie i social'nye praktiki rossijskikh millenialov [The social positioning and social practices of Russian millenials]. *Vestnik instituta sotziologii*, 2019, 10, 3, 78–95.

Astashova Y.V. Teorija pokolenij v marketinge [Generation theory in marketing]. In: *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i menedzhment*, 2014, 8, 1, 108–114.

Burmykina O.N. Mezhpokolennyj semejnij kontrakt: predstavlenija mladogo pokolenija [Integrational family contract: the views of young generation]. In: *Peterburgskaja sociologija segodnja*, 2017, 8, 150–159.

Dubin B.V. Pokolenie: sociologicheskie granicy ponjatija [Generation: sociological borders of the concept]. In: *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2002, 5 (58), 11–15.

Feuer L. S. *The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movements*. New York: Basic Books, 1969. 543 p.

Foucault M. Porjadok diskursa [The order of discourse]. In: Foucault M. *Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let*. Moscow: Magisterium, Kastal, 1996. 47–96.

Freud S. Harakter i anal'naja jerotika [Character and Anal Erotism]. In: Freud S. *Psihoanaliticheskie jetjudy*. Minsk: Belarus, 1991. 151–155.

Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds) Rossiiskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga 1 [Russian society and challenges of the time. Book One]. Moscow: Ves Mir, 2015a. 336 pp.

Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds) Rossiiskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga 2 [Russian society and challenges of the time. Book Two]. Moscow: Ves Mir, 2015b. 432 pp.

Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds) Rossiiskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga 4 [Russian society and current challenges. Book four]. Moscow: Ves Mir, 2016. 400 pp.

Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds) Rossiiskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga 5 [Russian society and challenges of the time. Book Five]. Moscow: VES MIR, 2017. 424 pp.

Higgs P., Gilleard C., Jones I. R. Jegoisticheskoe pokolenie: issledovanie koncepcii [Exploring the idea of a «selfish generation»]. In: *Sociologija vlasti*, 2014, 3, 10–30.

Howe N., Strauss W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. New York: Vintage Books, 2000. 432 p.

Kandel E. *Vek samopoznaniya: poiski bessoznatel'nogo v iskusstve i nauke s nachala XX veka do nashih dnei* [The Age of Insight: The Quest to Understand the Unconscious in Art, Mind, and Brain: From Vienna 1900 to the Present]. Moscow: AST: Corpus, 2016. 760 p.

Kastosov M. A., Ivanov, N. Ju. Predprinimatel'skie sposobnosti kak faktor jekonomicheskogo rosta [Entrepreneurial abilities as a factor of economic growth]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo)*, 2006, 1, 1–8.

Katynyi I.V. Konceptualizacija social'noj ontologii postgumanizma: sociologicheskie implikacii [Theorizing social ontology of posthumanism: sociological implications]. In: *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2019, 6, 13–34.

Katynyi I.V. Transmobil'nost' i normativnyj morfogenez v uslovijah postgumanizirovannogo obshhestva: kak vse eshhe vozmozhen social'nyj porjadok? [Transmobility and normative morphogenesis in a

posthumanized society: how the social order is still possible?]. In: *Normy i moral' v sociologicheskoj teorii: ot klassicheskikh koncepcij k novym idejam*. Moscow: Ves' Mir, 2017. 91–134.

Kozyreva P.M., Smirnov, A.I. Vzaimodejstvie pokolenij v sovremennoj Rossii: jevoljucija sbliženija [Interaction of Generations in Modern Russia: An Evolving Rapprochement]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021. 11, 49–60.

Kuznetsov I.M. Osnovaniya cennostnoj konsolidacii rossijan: tradicionalizm i obnovlenie [Foundations of russians' value consolidation: traditionalism and renewal]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021, 8, 93–102.

Laufer R.S., Bengtson V.L. Generations, Aging, and Social Stratification: on the Development of Generational Units. In: *Journal of Social Issues*, 1974, 30, 3, 181–205.

Levada Yu.A. Pokolenija XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the XX-th century: opportunities for research]. In: *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2001, 5 (55), 17–19.

Mannheim K. Problema pokolenij [The Problem of Generations]. In: Mannheim K. *Ocherki sociologii znaniya*. Moscow: INION RAN, 2000. 8–63.

Mannheim K. Diagnostika nashego vremeni: ocherki voennogo vremeni, napisannye sociologom [Diagnosis of our time: wartime essays of a sociologist]. In: Mannheim K. *Diagnostika nashego vremeni*. Moscow: Jurist, 1994. 412–571.

Mayorova-Shcheglova S. N., Mitrofanova S. Yu. Rannee vzroslenie ili infantilizacija: paradoks sobytijnosti sovremenno go detstva [Early maturation or infantilization: The paradox of modern childhood events]. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2020, 13, 1, 25–39.

Nefedov S. A. Sushhestvovala li kogda-libo russkaja nacija? [Did the Russian nation ever exist?]. In: *Nauchnyj jekspert*, 2011, 1–2, 45–57.

Ortega y Gasset, J. Vokrug Galileja (shema krizisov) [Around Galileo]. In: Ortega y Gasset J. *Izbrannye trudy*. Moscow: Ves' Mir, 2000. 233–403.

Petuhov V.V. Pokolenie «nulevyh»: ideologicheskie ustanovki i politicheskoe uchastie v Rossii [Generation of “zero”: ideological attitudes and political participation in Russia]. In: *Rossija i Kitaj: molodjozh' XXI veka [monografija]*. Moscow: Novyj hronograf, 2014. 239–259.

Radaev V.V. Millenialy: Kak menjaetsja russijskoe obshhestvo [Millennials: How Russian society is changing]. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 224 p.

Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvujushchih pokolenij: jempiricheskij analiz [Millennials compared to previous generations: an empirical analysis]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018. 3, 15–33.

Sadykova H.N. Specifika mezhpokolenno go vzaimodejstvija v sovremennoj Rossii (na primere Tjumenskoj oblasti) [Specific character of intergenerational interaction in contemporary Russia (the case of Tyumen oblast)]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2014, 4, 117–124.

Sapa A.V. Pokolenie Z – pokolenie jepohi FGOS [Generation Z – generation of the FGOS era]. In: *Innovacionnyje proekty i programmy v obrazovanii*, 2014, 2, 24–30.

Semenova V.V. Differenciacija i konsolidacija pokolenij [Differentiation and consolidation of generations]. In: *Rossija: transformirujushheesja obshhestvo*. Ed. by V.A. Yadov. M.: CANON-Press-C, 2001. 256–271.

Trubetzkoy N.S. Evropa i chelovechestvo [Europe and Mankind]. In: Trubetzkoy N.S. *Istorija. Kul'tura. Jazyk*. Moscow: Progress, 1995. 55–104.

Twenge J. Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskij duh, stalo bolee tolerantnym [iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood]. Moscow: RIPOL klassik, 2019. 406 p.

Verkhovskaia O.R., Bogatyreva K.A., Dorohina M.V., Knat'ko D.M., Shmeleva E.V. *Nacional'nyj otchet «Global'nyj monitoring predprinimatel'stva. Rossija 2019/2020»* [National report «Global Entrepreneurship Monitor. Russia 2019/2020»]. St. Petersburg: The Graduate School of Management of SPbSU, 2020. 84 p.

Walker C. Klass, gender i sub'ektivnoe blagopoluchie na novom rossijskom rynke truda: zhiznennyj opyt molodezhi v Ul'janovske i Sankt-Peterburge [Class, Gender and Subjective Well-being in Russia's New Labour Market: Experiences of Young People in Ul'ianovsk and St Petersburg]. In: *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 2012, 10, 4, 521–538.

Zarubina N. N. Jetika otvetstvennosti sovremennoj rossijskoj molodezhi [Ethic of the responsibility in the cultural and moral position of modern Russian youth: the transformation of the moral in the complex society]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2012, 6 (27), 250–258.